

Д. Н. Логофет

В забытой стране

**Путевые очерки по средней
Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Н. Логофет**
В забытой стране: Путевые очерки по средней Азии / Д. Н. Логофет – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 182 с.

ISBN 978-5-517-82984-9

ISBN 978-5-517-82984-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ забытой странѣ.

(Путевые очерки по Средней Азiи).

I.

Вудто громадный муравейникъ, казалась платформа желѣзнодорожной станціи Кермине. Огромная толпа бухарцевъ въ яркихъ халатахъ сновала взадъ и впередъ, входя и выходя изъ вагоновъ остановившагося поѣзда.

Степенно выступая, двигались сквозь толпу почтенные чиновные люди, пышно разодѣтые въ парчевые халаты съ широкими поясами, украшенными золотыми бляхами, за которыми виднѣются кривыя сабли въ бархатныхъ разноцвѣтныхъ ножнахъ. Услужливо расталкивая толпу, суетятся ихъ слуги, торопливо перетаскивая вещи и одновременно съ этимъ очищая дорогу въ этой сплошной толпѣ, почтительно разступающейся передъ важными бухарскими сановниками.

Русскіе костюмы пассажировъ тонутъ совершенно въ этомъ морѣ цвѣтныхъ халатовъ, придающихъ толпѣ какой-то праздничный, парадный видъ. Бѣлыя, красныя, зеленыя и сiія чалмы бухарцевъ пестрѣютъ передъ глазами, смѣшиваясь съ огромными косматыми шапками туркменъ, рѣзко выдѣляющихся изъ толпы своими типичными лицами.

Красивыя, съ библейскимъ окладомъ, лица таджиковъ чередуются съ узбеками, а далѣе виднѣются огненно-красныя, покрашенныя особою краскою бороды персовъ, одѣтыхъ въ казакны и халаты преимущественно темныхъ цвѣтовъ.

Мавританскаго стиля вокзалъ вполне гармонируетъ съ этою толпою, и лишь вывѣски на русскомъ языкѣ напоминаютъ о главенствѣ Россіи надъ этою чуждою по государственному устройству и управленію странюю, имѣющей своего особаго повелителя—Бухарскаго Эмира.

Отъ линіи желѣзной дороги до города Кермине не болѣе трехъ верстѣ по совершенно ровной мѣстности, безъ всякой растительности, и лишь около города начинается зеленая полоса древесныхъ насажденій, тянушихся по ирригаціонной системѣ, выведенной изъ рѣки Заравшана и создающей почти сказочное богатство во всѣхъ этихъ мѣстахъ, носящихъ названіе земель Міанкаля.

Солнце, поднявшееся надъ самую голову въ видѣ огненнаго раскаленнаго диска, шлетъ массу своихъ горячихъ лучей на землю, старательно сжигая всякую травку, не орошаемую водою. Мелкая пыль, поднятая копытами нашихъ лошадей, густымъ облакомъ носится въ воздухѣ, покрывая все сѣроватымъ ровнымъ налетомъ.

Узкія улицы Кермине почти пустычны, и только изрѣдка изъ закрытыхъ воротъ выглядываетъ голова туземной женщины, пугливо прячащаяся при видѣ цѣлой толпы мусульманъ, сопровождающихъ насъ.

— Вотъ обратите вниманіе,—нарушаетъ молчаніе мой спутникъ, отставной полковникъ К., старожилъ Туркестанскаго края, прослужившій въ немъ почти 40 лѣтъ,—если ѣдетъ русскій одинъ, то непременно каждая жепщина старается его рассмотреть, а если вдобавокъ хорошенькая, то откроетъ обязательно свое покрывало и покажетъ лицо; лишь старья да уроды въ такихъ случаяхъ не поднимутъ паранджи¹⁾. Ну, а при сопровожденіи мусульманъ другое дѣло—тутъ ужъ надо прятаться, а то наговоритъ кто изъ нихъ отцу или мужу, тогда плохо.

¹⁾ Паранджа—покрывало на лицѣ.

Вѣдь вотъ подите, какъ ни крѣпко прячуть они своихъ женщинъ, а все-таки наши солдаты ухитряются заводить съ ними не только знакомство, но и романы.

— Вотъ хотя бы Борисенко,—указаль онъ на высокаго солдата, рысившаго сзади насъ,—страсть какой ходокъ по этой части.

Борисенко, услышавъ свое имя, широко усмѣхнулся и, конфузливо глядя въ сторону, медленно заговорилъ:

— Больно здѣшняя баба до сластей охоча, что твои мухи. Покажешь ей это кусокъ сахара да и скажешь „айда“, ну и сама приведетъ тебя въ потаенное мѣсто...

Широкіе многоводные арыки были полны, неся массу воды, разливавшейся по всей ирригаціонной сѣти и съ глухимъ журчаніемъ протекавшей по улицамъ города, который весь, казалось, потонулъ въ густой зелени деревьевъ, начинавшихъ уже желтѣть.

Огромный дворъ караванъ-сарая былъ весь занятъ массою верблюдовъ, отдохавшихъ, лежа на землѣ, отъ утомительнаго пути. Кипы различныхъ товаровъ виднѣлись сложенными невдалекѣ у входа. Подъ длиннымъ навѣсомъ сидѣли и лежали привѣзжіе, устроившись на кошмахъ.

Запахъ кунжутнаго масла изъ котла съ варившимся пловомъ далеко разносился по окрестностямъ, смѣшиваясь съ букетомъ горѣлаго бараньяго сала и прѣвонцаго навоза.

Чайники съ кипяткомъ стояли цѣлымъ строемъ на угольяхъ мангала¹⁾. Тутъ же виднѣлись горы арбузовъ и дынь. Пучки лука и чеснока висѣли на стѣнахъ, издавая свой острый запахъ, соединявшійся съ ароматомъ персиковъ.

Остановившись у воротъ и передавъ лошадей, мы расположились тутъ же, чтобы, переночевавъ и запасясь проводникомъ-чиновникомъ отъ мѣстнаго Керминскаго бека, двинуться рано утромъ въ дорогу.

Заря уже догорала и косые лучи заходящаго солнца позолотили край горизонта, особенно рельефно освѣтивъ вершины горъ, виднѣвшихся въ отдаленіи за рѣкою Заравшаномъ.

---

¹⁾ Мангаль—печь, вырытая въ землѣ.

Надъ городомъ еще носился шумъ оканчивавшагося дня. Поднимая густую пыль, прошло по улицамъ огромное стадо рогатаго скота и козъ.

Струйки дыма отъ костровъ потянулись кверху — вездѣ приготавлился пловъ.

Немного спустя, разомъ безъ сумерокъ наступила темная ночь и мнѣриады яркихъ звѣздъ зажглись на небѣ, рассыпая свой мерцающій свѣтъ по окрестностямъ.

Гдѣ-то рядомъ слышалось треньканье сааза¹⁾, вдали отозвался другой, и скоро изъ разныхъ мѣстъ города понеслись звуки однообразныхъ бухарскихъ мелодій, которымъ вторили рокотъ бубновъ и визгливый плачь туземныхъ скрипокъ.

Толстый, еще не старый бухарецъ въ яркомъ цвѣтномъ халатѣ вѣхалъ на дворъ и, бросивъ лошадь подбѣжавшему слугѣ, подошелъ къ намъ, отвѣщая почтительные поклоны.

— Абду-Калыръ мирза-баши²⁾,—назвалъ онъ себя.

— Присланъ сопровождать тюрей³⁾ до Бурдалыка и дальше, куда они собираются ѣхать. Лошади уже приготовлены и будутъ приведены рано утромъ.

— Нужно ли съ собой брать запасы для людей и лошадей?—забезпокоился докторъ, любившій основательно поѣсть.

— Нѣтъ, тюра можетъ быть покойнымъ, кое-что найдемъ по дорогѣ, и голодными не будемъ,—успокоилъ его мирза-башни.

— Палау, чурекъ, хлѣба, юмурта, яйца, тоукъ-курица по-узбекски и по-русски,—назвалъ онъ съѣстные припасы, которые будетъ возможно найти по дорогѣ.

Завернувшись въ бурки, мы легли на кошмахъ, и скоро густой храпъ сонныхъ раздавался на дворѣ, да порою собаки съ громкимъ лаемъ кидались къ воротамъ, запертымъ на засовы.

Рано утромъ весь нашъ маленькій караванъ былъ уже готовъ къ выступленію. Двѣ выючныя лошади съ нашимъ имуществомъ были въ поводу у конвойныхъ. Верховые кони турк-

---

¹⁾ Саазъ—въ родѣ балалайки.

²⁾ Мирза-башни—подпоручикъ.

³⁾ Тюра—князь, начальникъ.

менской породы, красиво изгибая шею и грызя удила, съ пертергишемъ били землю копытами.

— Все забрали? Ничего не забыли?—на всякій случай задалъ я вопросъ, садясь на высокое туземное сѣдло.

— Ну, съ Богомъ!

Дробно застучали копыта коней по настилкѣ моста, переброшеннаго черезъ арыкъ, и мы вытянулись по главной улицѣ, свернувъ тотчасъ же въ другую и взявъ направленіе почти на югъ.

Солнце еще не всходило, и ровные тоны утренняго свѣта освѣтили весь городъ; на востокѣ же, быстро мѣняясь, бѣжали по небу новыя, болѣе свѣтлыя полосы, а затѣмъ и пурпурные отбѣнки—предвѣстники солнечнаго восхода.

Въ воздухѣ чувствовалась утренняя свѣжесть, и капли росы висѣли на листьяхъ кустарниковъ.

— Здѣсь вѣдь Эмиръ живетъ? — задалъ вопросъ докторъ чиновнику, молчаливо ѣхавшему позади.

— Да, тюра! только теперь Эмиръ въ отсутствіи,—вполголоса отвѣтилъ мирза-баши, боязливо посмотрѣвъ въ то же время по сторонамъ.

— Пусть тюра теперь это не спрашиваетъ,—добавилъ онъ, сдерживая свою лошадь... — Дорога еще длинная — про все можно будетъ вспомнить.

Перейдя линію желѣзной дороги и проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы стали подниматься черезъ невысокія горы, составлявшія отроги заравшанскаго хребта и достигавшія высоты не болѣе полуторы тысячи футовъ; въ этихъ мѣстахъ, гдѣ пролегалъ уже самый конецъ хребта, онѣ переходили въ невысокіе холмы.

Растительность уже окончилась, и мѣстность имѣла пустынный видъ.

По дорогѣ встрѣчались одинокіе всадники и небольшіе караваны верблюдовъ, шедшихъ изъ города Каршей съ различными товарами.

Огромный дискъ восходящаго солнца, позолотивъ окрестности, быстро выплылъ изъ-за горизонта, разомъ пославъ тысячи лучей свѣта и тепла на землю. Все оживилось и на душѣ сдѣлалось какъ-то лучше.

— Сколько тюра думаетъ пройти сегодня?—спросилъ мирза-баши, подвѣзжая ко мнѣ ближе.—Если не торопясь ѣхать, то отдохнуть можно на колодцахъ Тутни, а ночлегъ у Абдула-ханъ-робата. Здѣсь старая караванная дорога проходить на Карши. Вправо отъ насъ пустыня Карнапъ-Чуль лежитъ,—указалъ онъ на западъ.—Почти къ самой Старой Бухарѣ она подходитъ. Только баранта тамъ бываетъ да киргизскія кочевки встрѣчаются, а кишлаковъ ¹⁾ и полей совсѣмъ нѣтъ, потому пѣтъ арыковъ, да и колодцевъ не очень много. Больше колодцы по дорогѣ устроены; старые люди говорятъ, что больше тысячи лѣтъ караваны по ней ходятъ и ту воду пьютъ, славя Аллаха. Эмиры Измаиль, Тимуръ и Абдула-ханы много робатовъ ²⁾ и саргдобъ ³⁾ здѣсь по ней построили. Многіе уже разрушились отъ времени, а нѣкоторые до сихъ поръ стоятъ на пользу людей. Только теперь новыхъ колодцевъ никто не устраиваетъ, а прежніе во искупленіе грѣховъ чистятъ проѣзжающіе благочестивые правовѣрные—да пошлетъ миръ ихъ душамъ Аллахъ. Есть колодцы съ сладкой, а есть и съ соленой водою, но пить ее все-таки можно.

— Почему не хотѣлъ говорить въ Кермине про Эмира, мирза-баши?

— Ахъ, тюра, ты извини, но говорить нехорошо: кто услышитъ—донесетъ, а тамъ потомъ большая печаль можетъ прийти къ тому человѣку, который долгій языкъ имѣетъ и не держитъ своихъ мыслей у себя крѣпко въ головѣ.

Мѣстность между тѣмъ сдѣлалась холмистою, желтоватаго цвѣта почва состояла изъ лѣса, который залегалъ въ этихъ мѣстахъ мощными пластами и лишь отсутствіе воды для орошенія дѣлало ихъ непригодными для земледѣлія.

Небольшіе аулы въ нѣсколько кибитокъ еще попадались, разнообразія дорожные виды.

У колодца въ Шуръ-Кудукъ видно было движеніе: цѣлое стадо барановъ и козловъ покрывало мѣстность, смѣшиваясь съ

¹⁾ Кишлакъ—селеніе.

²⁾ Робатъ—укрѣпленный постоянный дворъ.

³⁾ Саргдоба—волохранилище.

верблюдами, пасшимися на свободѣ и осторожно подбирившими своими мягкими губами поросли колючекъ разныхъ видовъ, разросшихся по окрестнымъ холмамъ и долинамъ.

Влѣво на горизонтѣ виднѣлись небольшіе холмы, а дальше за ними поднимались еще выше мрачныя громады отроговъ за-равшанскаго хребта, сливавшіяся на горизонтѣ съ голубою спневою неба, на которомъ не было видно ни одной тучки. Изумительная прозрачность воздуха давала возможность видѣть на огромное пространство, и поэтому вся необъятная ширь равнины, разстлавшаяся вправо, открывала своеобразную панораму.

Кое-гдѣ среди густыхъ зарослей колючекъ попадались цѣлыя стада дрофъ и стрепетовъ, совершенно безбоязненно сидѣвшихъ певдалекъ отъ дороги, и лишь куропатки поднимались съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ, когда лошади почти наступали на нихъ. Голубыя сизоворонки и зеленые шуры красиво выдѣлялись на желтоватомъ фонѣ полусожженной растительности.

— За Юлганъ-Каризомъ будетъ кишлякъ Карнакъ,—тамъ отдыхать можно...

— Далеко еще ѣхать?

— Нѣтъ, тюра, полтора таша¹⁾—больше не будетъ,—утѣшалъ насъ мирза-баши.

— Что значитъ Юлганъ-Каризъ; почему такъ мѣсто называется. не знаешь ли ты?

— Тамъ каризъ, тюра, колодецъ такой особенный. Вода выведена издалека по трубамъ подъ землю изъ горъ. Роютъ мастера такія трубы подъ землю на глубинѣ 2—3 сажень, а чтобы воздухъ и свѣтъ въ нихъ былъ, то сажени черезъ три, четыре наружу особые колодцы выводятъ и такъ ведутъ воду изъ горъ, пока она наружу не выйдетъ. Хороша въ нихъ вода бываетъ—свѣжая какъ слеза и холодная какъ ледъ. И воды цѣлый ручей выходитъ, такъ что на поливку хорошаго участка достаетъ, а иногда и больше. Тутъ въ горахъ воды много подъ землю, а наружу она не выходитъ, поэтому каризы

---

¹⁾ Ташъ—верста.

надо дѣлать, чтобы вывести ее на долину. Большая это работа и много она денегъ стоитъ; прежде Эмиры на такіе каризы деньги давали, тогда ихъ и устраняли, а теперь уже давно не строятъ. Только тамъ, гдѣ старые есть, ихъ какъ зѣницу ока берегутъ и постоянно расчищаютъ, чтобы глиною и пескомъ не заносило. Есть каризы, что все дно камнемъ или кирпичемъ выложено; при Абдуль - ханѣ да при Тимуръ-ханѣ много ихъ строили. По этой самой дорогѣ тогда караваны съ товарами непрерывно шли. Теперь же дорогу забросили—по новой ѣздить: на Самаркандъ-Шахриязбъ-Чиракчи въ Карши. Тамъ русскіе ее строили; хорошая дорога и спокойная, никто не тронетъ...

— А здѣсь по дорогѣ развѣ не спокойно?

— Не всегда, тюра, иногда и разбойники на проѣзжихъ нападаютъ: глухія мѣста, людей мало—никто не увидитъ и не услышитъ...

II.

У кишлака Карнапа керминская дорога соединяется съ зіаэтинскою и далѣе уже до Каршей она дѣлается немного болѣе протоптанная караванами. Отъ этого же кишлака черевъ горы пролегаетъ дорога въ Самаркандскую область на Зерабулакъ и Катта-Курганъ.

Широкій дворъ караванъ-сарая пріивѣтливо манилъ къ себѣ, и лошади невольно прибавили шагу, завидя гостепріимно открытыя ворота, у входа въ которыя виднѣлись зеленые снопы клевера, поставленные рядами у стѣнъ.

Въ небольшомъ помѣщеніи безъ оконъ, съ сильно закопченнымъ потолкомъ и устланными кошмой полами, было прохладно, зато на серединѣ двора лучи солнца, несмотря на осень, отражаясь отъ стѣнъ, создавали нестерпимо жаркую температуру. Мириады мухъ носились въ воздухъ, страшно беспокоя лошадей, стоявшихъ закутанными понопами подъ навѣсомъ.

Чайники съ зеленымъ кокъ-чаемъ быстро были поставлены передъ нами, и, лежа на кошмѣ, мы съ большимъ наслажденіемъ стали утолять томившую насъ жажду.

Нѣсколько человѣкъ бухарцевъ, прибывшихъ съ большимъ караваномъ верблюдовъ, сидѣли недалеко отъ насъ подъ навѣсомъ и, занимаясь также чаепитіемъ, постепенно вели бесѣду вполголоса. Лишь порою взрывы сдержаннаго смѣха доносились изъ-подъ воротъ, гдѣ съ десятокъ лаучей (погонщиковъ) сидѣли и лежали на циновкахъ, слушая рассказы одного изъ своихъ товарищей.

— Что это онъ рассказываетъ, мирза-баши,—спросилъ я?

— Да такъ, тюра, не хорошее, а народъ глухой смѣется, и самъ не знаетъ почему. Они всегда, когда сыты, всему радуются, а голодные — какъ волки смотрятъ.

— Но все-таки что же онъ рассказываетъ, переведи пожалуйста, мирза-баши?

Но старикъ-полковникъ также началъ вслушиваться и сейчасъ же переводить.

— Это рассказы изъ жизни Ходжи-Насръ-Эдина...

— Былъ, видите, во время Тамерлана или по ихнему Тимуръ-Хана такой мулла. Видно веселый человѣкъ по характеру и очень остроумный, поэтому про него существуетъ масса рассказовъ, есть цѣлые сборники. Нѣкоторые довольно остроумны, а главное прекрасно характеризуетъ эпоху и отношенія людскія.

Полковникъ на мгновеніе задумался, что-то вспоминая...

— Да вотъ, наиримѣръ, одинъ изъ случаевъ его жизни. Ходжа - Насръ - Эдинъ былъ почтенный человѣкъ и исполнялъ должность казія въ Самаркандѣ, хотя онъ повидимому никогда особымъ умомъ не отличался, но видимо былъ человѣкъ ловкій. Однажды къ нему пришли двое купцовъ-сосѣдей на судъ. Одинъ жаловался на другого, что тотъ укусылъ его за ухо. На вопросъ казія другой въ свое оправданіе отвѣтилъ, что онъ вовсе не кусалъ, а что сосѣдь самъ вѣроятно себя укусылъ за ухо и показываетъ на него напраслину. Свидѣтелей происшествія не было... Ходжа не могъ сразу рѣшить такое дѣло, считая нужнымъ его провѣрить или же хоть какъ-нибудь его выяснить. Задумался онъ надъ вопросомъ, можетъ ли человѣкъ самъ себя укусить за ухо. Выслалъ тогда Ходжа всѣхъ изъ своего помѣщенія, остался одинъ и рѣшилъ продѣлать опытъ—

можно ли самого себя укусить за ухо. Измучился онъ, прыгая и вертясь по помѣщенію, но никакъ не удавалось ему ничего сдѣлать. Наконецъ, разсерженный неудачею, онъ сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку: вывернулся весь, прыгнулъ, но зацѣпившись за коверъ, со стономъ упалъ на землю, разбивъ себѣ о стѣну голову.

Пролежалъ немного бѣдный Ходжа и, когда боль утихла, позвалъ онъ обоихъ тяжущихся и важно имъ сказалъ:

— О, правовѣрные, знайте, что не только человѣкъ можетъ самъ себя укусить за ухо, но сверхъ того, дѣлая это, легко можетъ свалиться и ушибить себѣ сильно голову. И постановилъ взыскать съ перваго купца за оклеветаніе второго большой штрафъ, который и взялъ въ свою пользу...

Солнечные лучи, падая внутрь двора караванъ-сарая, создавали жаркую, удушливую атмосферу и, отражаясь отъ стѣнъ, положительно обжигали, дѣлая внутренность двора похожею на устье раскаленной огромной печи. Лошади, стоя подъ кошматыми попонами, понуро наклонили головы. Верблюды, сбившись тѣсною кучею на середину двора, лежали изнывая отъ духоты, пережевывая жвачку и поглядывая своими темными печальными глазами на людей, уже прекратившихъ всякіе разговоры и лежавшихъ въ повалку подъ навѣсами, изнемогая въ полудремотѣ.

Даже куры, опустивъ крылья, забились въ углы двора, гдѣ, вырывъ ямки, искали прохлады въ разрыхленной ими почвѣ.

Разговоры не клеились, и скоро густой храпъ спящихъ раздавался изъ полутемныхъ помѣщеній.

Весь въ поту, мокрый какъ мышь, проснулся я, разбуженный полковникомъ, уже сидѣвшимъ съ чашкою чая въ рукахъ.

— Неужели поздно?

— Да, ужъ скоро время трогаться, пятый часъ въ началѣ; пока напьемся чаю—пора и ѣхать...

Освѣжившись немного умываніемъ, мы тронулись въ путь, двигаясь крупной иноходью и встрѣчая безконечные караваны верблюдовъ, медленно выступавшихъ подъ тяжелыми вьюками. Картины знакомыя, уже не привлекавшія нашего вниманія.